

Место, где жил прежний владелец тела... это та полуразрушенная кумирня, что перед твоими глазами...

...

...

На этот раз Пэй Лу молчал целых три минуты.

Спустя три минуты он, словно уже ошеломлённый ударами судьбы и с совершенно мёртвым сердцем, спросил 666:

— Что там ещё осталось? Выкладывай всё сразу.

Трёхмерный фильм ужасов с живыми актёрами, жизнь в заброшенном храме... Разве может быть что-то ещё более жуткое?!

666 в затруднении подумал и всё же решил оставить ему хоть капельку надежды. Осторожно подобрав слова, он предложил:

— Может, сам зайдёшь и посмотришь?

Пэй Лу посмотрел на полуразрушенный храм, у которого даже не было двери, и с трудом сделал шаг вперёд.

Внутри кумирни было темно, статуя божества в главном зале давно исчезла, остался лишь пустой постамент, по которому уже невозможно было понять, какому именно небожителю здесь некогда поклонялись. Пэй Лу сложил руки ладонями вместе, низко поклонился три раза и только после этого шагнул внутрь.

Внутри оказалось даже чище, чем он предполагал: не было удушающей пыли, не попадались на глаза снующие туда-сюда насекомые или крысы, и в целом всё выглядело так, будто здесь действительно кто-то живёт.

При свете тусклой луны Пэй Лу осторожно прошёл вглубь и, обойдя постамент сзади, обнаружил на полу аккуратно расстеленную солому и постель, на которой в ряд лежали три тёмных силуэта.

Неожиданно заметив человеческие фигуры, Пэй Лу испуганно вздрогнул, инстинктивно отступил на шаг назад, издав короткий возглас.

Кто-то из лежавших проснулся от этого шума, сонно приподнялся и посмотрел в сторону Пэй Лу:

— Гоудань? Это ты?

Сердце Пэй Лу бешено колотилось от страха. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы подавить ужас, он дрожащим голосом ответил:

— Д-да, это я.

Силуэт, казалось, к этому уже привык. Издав невнятное угу, человек не стал расспрашивать дальше и снова лёг, даже подвинувшись в сторону, чтобы освободить ему место:

— Вернулся — так ложись и спи.

Пэй Лу потёр мурашки на руках и в нерешительности присел на краю соломенной подстилки. Ровное дыхание соседей наконец-то дало ему ощущение хоть какой-то опоры под ногами.

Посидев какое-то время неподвижно, он снова услышал тот же голос:

— Ты опять в штаны намочил? Разит мочой...

Лицо Пэй Лу мгновенно вспыхнуло. Только теперь он вспомнил, что на горе до смерти перепугался призрака и обмочился, а в спешке убегая, совершенно выбросил это из головы. За время обратного пути мокрые штаны давно высохли, но вокруг по-прежнему стоял стойкий запах мочи. Пэй Лу неловко приподнял зад, сидевший на постели. Лицо его покраснело так, будто на нём можно было сварить яйцо. Он извивался и ерзал туда-сюда. Пока он не осознавал этого, было еще куда ни шло, но стоило ему заметить, как Пэй Лу тут же почувствовал себя предельно скованно — ему казалось, что в штанах творится нечто невыносимое.

Сидевший рядом человек рассердился из-за его возни и приглушенным голосом рявкнул:

— У тебя в заднице вши завелись? Если в штанах жмет и прет, иди сполоснись сзади сам. Напустил в штаны, так хоть постирал бы, прежде чем возвращаться...

— ...

Пэй Лу одновременно стыдился и злился. От нагоняй он опустил голову, однако не прошло и двух минут, как от едкого запаха мочи, исходившего от штанов, ему снова пришлось задрать подбородок.

Поколебавшись и помучившись какое-то время между страхом перед призраками и необходимостью стирать штаны, Пэй Лу в конце концов не вынес царившей от него грязи и смрада. Сжав ноги и неуклюже ковыляя, он поднялся, чтобы помыться снаружи.

За полуразрушенным храмом и в самом деле обнаружилась большая щербатая кадка, в которой плескалось еще больше половины воды. Пэй Лу внутренне обрадовался, быстро сбросил провонявшую одежду и, взяв лежавший рядом тыквенный ковш, осторожно набрал воды.

Глубокой ночью температура сильно падала, а в горах холод ощущался еще острее. Пэй Лу принялся понемногу поливать себя из ковша. Ледяная струя ударила в тело, заставив его с резким шипением втянуть воздух.

Стиснув зубы и перетерпев эту пробирающую до дрожи свежесть, Пэй Лу отважился и вылил на себя весь ковш целиком. Под черным ночным небом худенькая темная фигура стояла у чана с водой, и то и дело раздавались журчание воды и прерывистые вздохи. К счастью, поблизости не было ни души — от такой картины кто-нибудь с таким же трудом, как Пэй Лу, наверняка до смерти бы испугался.

Пэй Лу под струями воды яростно тер кожу. Прежний хозяин тела был тем еще неряхой, так

что, едва начав тереть себя, Пэй Лу понял: быстро эта баня не закончится. Тщательно отскребнув с тела всю грязь, он зачерпнул ковшом воды и окатил себя, смывая и слипшиеся волосы. Шампуня не было, пришлось кое-как потереть голову наскоро, а в завершение ополоснуться еще парой ковшей. Голышом Пэй Лу дрожал так, будто в нем решето.

Менять было не на что, оставалось только ждать, пока вода на теле высохнет. Натянув относительно чистую верхнюю одежду, Пэй Лу с брезгливым выражением лица поднял штаны, собираясь их постирать.

Таза для воды не оказалось, поэтому ему пришлось расстелить штаны на чистом плоском камне, смочить водой, а затем, задрав зад, усердно приняться за стирку.

Осколки лунного света падали сверху, озаряя его фигуру и подчеркивая стройность и гладкость его ног.

Неподалеку Цюй Лочэн сглотнул, и в его теле неожиданно поднялась волна жара. Он шёл по запаху, который оставил Пэй Лу. Хотя Пэй Лу и был донельзя грязным, отчего находиться рядом с ним было просто невыносимо, но стоило вспомнить о густой ян-ци, исходившей от него, как Цюй Лочэн не удержался и всё-таки выследил его. Такую огромную и лакомую жирную добычу нельзя выпускать из виду — того и гляди, какой-нибудь другой демон утащит.

Довольно наблюдая за тем, как Пэй Лу вовсю отмывается, Цюй Лочэн беззвучно скривил губы, а его острые клыки блеснули холодным светом.

Этот нищий наконец-то соизволил привести себя в порядок. Если бы не зверский голод, Цюй Лочэн ни за что не стал бы разивать рот на столь грязное создание.

Впрочем... Отмывшись, нищий оказался на редкость белым и чистым, вот только был худым как обезьяна, и мяса на нём почти не было. Цюй Лочэн с сожалением цокнул языком: судя по всему, перед тем как съесть, паренька всё-таки стоило немного откормить, иначе от сухих и жестких костей не дождёшься никакого удовольствия...

Пэй Лу, увлечённо стиравший штаны, даже не подозревал, что за ним подглядывают. Он с пыhtением отстирал одежду, нашёл подходящую ветку, повесил её сушиться и только тогда испустил долгий вздох.

Громко зевнув, Пэй Лу потёр глаза и, ворча под нос, отправился спать.

Солома была сухой, постель — на удивление теплой благодаря товарищам, и Пэй Лу, уже не выбирая, на цыпочках забрался под одеяло, лёг и блаженно вздохнул.

Сегодня на него обрушилось слишком много потрясений, нервы были на пределе, так что уснуть сразу не получалось, и он принялся донимать Системку.

— Системка, ты спишь?

— Нет. — В голосе Системки звучало возбуждение: Пэй Лу с первого же слова понял, что тот снова торчит в игре всю ночь напролёт.

Прекрасно зная его натуру, Пэй Лу решил не тратить слов даром:

— ...Где цель терапии?

Сам он не понимал почему, но на душе было тревожно. Стоило вспомнить о цели терапии, как у него возникало дурное предчувствие — не проясни он всё до конца, сегодня ночью ему точно не уснуть.

Системка как раз отчаянно рубился с противником, поэтому бросил на ходу:

— Так снаружи.

Пэй Лу замер:

— ...Чего?

Пэй Лу всю ночь мучали кошмары: во сне за ним либо гнались призраки, либо он сам бежал от них. Ему с трудом удавалось оторваться от погони, как вдруг его настигал злой дух, с которым предстояло сыграть зловещую посмертную свадьбу, и, прижав к земле, принимался пить его кровь и пожирать плоть. В общем, ночь выдалась на редкость кошмарной.

Когда наутро он проснулся, под глазами залегли два огромных синяка. Маленькие товарищи прежнего владельца тела, завидев его, остолбенели, и первой их реакцией было крайнее изумление по поводу его тёмных кругов:

— Гоудань, ты чем вчера занимался?

Следом до них дошло, что что-то не так: сегодня Гоудань выглядел подозрительно чистым. И как теперь идти попрошайничать?

— Зачем ты лицо так вымыл? Если не сможем раздобыть еды, мы с тобой ничем не поделимся!

Поб... попрошайничать?

Пэй Лу во все глаза уставился на своих новых товарищей: перед ним стояли Толстячок, Чжугань и Сяо Гуантоу.

Только что говорил Толстячок. Сам он был крупным, его пухлое лицо казалось сплошным скоплением черт, теснившихся друг к другу, и выглядел он довольно свирепо — с таким лучше не связываться.

Чжугань был тощим и высоким; прикинув на глаз, Пэй Лу понял, что ростом едва достаёт ему до груди.

Из всей троицы самым безобидным выглядел Сяо Гуантоу. Он был примерно того же возраста, что и Пэй Лу, и сквозь специально намазанную на лицо грязь проступали вполне миловидные черты.

Поскольку хрупкие персики срывают первыми, а в местных порядках он не разбирался, Пэй Лу решил пристроиться к кому-нибудь поближе и заговорщически потёрся о плечо Сяо Гуантоу:

— Можно я пойду с тобой?

Сяо Гуантоу удивленно посмотрел на него. Раньше Гоудань всегда держался с Толстячком. Тот был крепким и сильным, всегда умел отнять еду у других нищих, не то что он сам — слабый и не умеющий драться, способный лишь на то, чтобы смиренно просить милостыню.

Пэй Лу легонько толкнул его локтем и подмигнул:

— Ну что, согласен?

Сяо Гуантоу буркнул что-то невнятное в ответ и, мысленно поразмыслив над ситуацией, кивнул:

— Ладно.

Раздавшись по парам, четвёрка тронулась в путь с горы. Перед самым сном Толстячок с брезгливостью оглядел его слишком уж чистый вид и уже зачерпнул с земли пригоршню грязи, намереваясь вымазать ему лицо, но Пэй Лу среагировал вовремя и отпрыгнул — иначе все вчерашние старания пошли бы прахом.

Теперь стало понятно, откуда на прежнем владельце тела бралась эта вечная грязь: оказывается, истоки крылись здесь.

Полуразрушенный храм, где они ютились, стоял на полугоре. Стоило немного спуститься вниз, как у подножия горы открывался вид на оживленный городок: там водилось немало богачей, а на рынке было шумно и людно, так что те, кто постороже, могли за день насобирать несколько медных монет и хоть немного разнообразить свой скудный рацион.

Места для побиточничества были давно поделены. У Толстячка участок оказался самым большим: благодаря свирепому нраву и сильным рукам он вполне закономерно захватил лучшие территории.

У Сяо Гуантоу участок был похуже: ему достался довольно тихий и глухой уголок. Нельзя сказать, что никудышный, но и не подарок — прохожих там бродило мало, однако время от времени всё же хаживали сынки богачей да барышни, так что набрать на пропитание удавалось без особых проблем. Пандунь неплохо заботился о своих людях и мысленно похвалил нового товарища. Пэй Лу последовал за Сяо Гуантоу и присел у стены. Перед ними поставили потрепанную плошку неопределенного цвета, после чего оставалось только ждать.

Когда мимо кто-то проходил, Сяо Гуантоу монотонным голосом выкрикивал:

— Молодые господа и юные барышни, проявите милосердие, сжальтесь надо мной.

При таком способе привлечения клиентов хорошо если один из десятка бросал им хоть какую-то медную монетку.

Этот парень никуда не годится, — вздохнул Пэй Лу. — Похоже, сегодня нам грозит остаться без ужина...

Этот Сяо Гуантоу совершенно не умеет вести дела.

Шестьсот шестьдесят шестой одарил его косым взглядом:

— Сам такой умный — иди и попробуй.

— ...Ты вообще умеешь нормально разговаривать? — Пэй Лу едва не поперхнулся от такого ответа и тут же оскорбился. Разве он не видел, как бегают другие, раз уж сам не ел свинины?

Что, и поболтать теперь нельзя?

Впрочем, Пэй Лу не ошибся в своих прогнозах: дела у Сяо Гуантоу сегодня шли из рук вон плохо. Не успела миновать и большая часть дня, как их плошка по-прежнему оставалась совершенно пустой. Посреди дня Пандунь с Чжуганем заглянули к ним на огонек и выдали обоим по паровой булочке — судя по всему, они заранее знали, что этим двоим ничего не перепадет к обеду.

Экономно пережевывая булочку, Пэй Лу мрачно изрек Шестьсот шестьдесят шестому:

— Нам нужно придумать, как заработать денег, иначе мы просто с голоду помрем.

— И как же? — Шестьсот шестьдесят шестой постарался проявить заботу о хрупкой гордости подопечного и задал этот вопрос мягким тоном.

— ... — Пэй Лу на мгновение завис, а затем уныло ответил: — Я еще не придумал.

— ... — Шестьсот шестьдесят шестой подкинул крошечную идею: — Может, попробуешь поорать вместе с ним?

Один за всех и все за одного, как говорится.

В душе Пэй Лу отчаянно сопротивлялся: разве можно гнуть спину из-за пяти мер риса?!

Однако требовательно заурчавший живот мгновенно заставил его смириться. Других способов раздобыть денег пока не предвиделось, так что оставалось только присоединиться к крикам Сяо Гуантоу.

— Прекрасные и добрые барышни, проявите милосердие, подайте ради Христа на пропитание...
— Пэй Лу, считавший себя просвещенным человеком из будущего, полагал, что его призывы звучали чуточку лучше, чем у Сяо Гуантоу. Наглядным доказательством тому стало появление в их старой плошке первой же медной монетки.

Пэй Лу с унылой физиономией крутил в пальцах гладкий кругляш. И что теперь делать? Если не наскрести денег, вечером придется ложиться спать на голодный желудок.

Шестьсот шестьдесят шестой вздохнул за компанию с ним. Ещё один проигранный раунд:)

Половина дня пролетела в мгновение ока. Мандариново-красное солнце наполовину скрылось за горизонтом, а палящие лучи заката окрасили облака в багрянец.

Прохожих на улице становилось всё меньше, многие лавки уже закрывались, и торговцы начинали прибираться.

Пэй Лу совсем сник и повесил нос. За весь день удалось выпросить всего одну медянку — обидно до слез.

Погруженный в собственные невеселые мысли, он вдруг заметил, как перед ним легла тень. Возле него остановилась пара черных сапог, но Пэй Лу, застрявший в коконе уныния, даже не обратил на это внимания.

Глиняная чашка издала глухой звук, когда на ее дно упал серебряный слиток, звякнув о фарфор. Низкий голос произнес над ним:

— Умеешь петь?

Пэй Лу уставился на серебряшку загоревшимися глазами. С трудом поборов жгучее желание засунуть монетку за пазуху, он медленно поднял голову.

Незванный гость оказался высоким. На нем было темно-красное длинное платье, поверх которого накинули черную марлевую накидку, а талию украшала нефритовая подвеска в виде обвившегося дракона — по одному лишь внешнему виду угадывался богач.

Взгляд Пэй Лу скользнул выше, и он уперся в лицо мужчины. Яркое, но не демоническое, с безупречно тонкими чертами: взметнувшиеся к вискам брови, прямой нос, две алые, словно кровь, губы и чуть раскосые персиковые глаза, в которых нежность причудливо переплеталась с холодным равнодушием.

Пэй Лу впервые видел настолько смазливую мужчину и на секунду даже растерялся.

— Я тебя спрашиваю. Умеешь петь? — нетерпеливо повторил незнакомец.

Пэй Лу запоздало пришел в себя:

— Уме... умею. Что бы вы хотели послушать?

Тонкие губы мужчины едва заметно шевельнулись:

— Восемь ласк.

— ... — Пэй Лу посмотрел на него взглядом, полным глубочайшего потрясения. Попрошайка, поющая «Восемь ласк» посреди оживленной улицы — друг, у тебя с головой всё в порядке?

Мужчина нахмурился:

— Не знаешь?

— ... — И что на это отвечать? Кто же не знает «Восемь ласк»? Но затягивать подобное на глазах у толпы зевак — не слишком ли это безнравственно?

— Петь прямо здесь... разве это удобно?

Мужчина изогнул бровь:

— Хочешь спеть со мной в помещении?

— ... — Ради денег чего только не стерпишь:)

Пэй Лу прочистил горло и с превеликим смущением затянул:

— Ой, первая ласка... коснулся я головки старшей сестры, шелковистые пряди черны, как смоль, словно тучи, заполнившие все небеса...

Голос юноши звенел чистотой, но из-за охватившего его стыда слегка подрагивал. Исполнять столь легкомысленные и флиртующие куплеты столь юным и чистым голосом — в этом было нечто невыразимо пикантное, особенно в сочетании с его посвежевшим, нежным и аккуратным личиком, от которого у любого кровь закипела бы в жилах.

Цюй Лочэн с тяжелым, сосредоточенным взглядом разглядывал сидевшего перед ним маленького нищего. Еще вчера он заметил, что голос этого оборванца обладал какой-то странной, притягательной силой для него.

Тогда он подумал: если этот голос затянет похабную песню, звучание наверняка приобретет совершенно особый оттенок.

Сейчас же оказалось, что он не ошибся.

Едва допев песню, Пэй Лу залился ярким румянцем. К счастью, вокруг уже почти никого не осталось, иначе, стань он предметом всеобщего внимания, ему бы больше некуда было деться от стыда.

— Неплохо... — хрипло произнес Цюй Лочэн. Он невозмутимо поправил воротник, скрывая телесную реакцию. — Превосходно. Завтра я приду снова.

С этими словами он бросил в плошку увесистый серебряный слиток и поспешно удалился.

— ... — Пэй Лу решил, что столкнулся с извращенцем. Да чтоб он явился сюда завтра!

Он бережно спрятал слиток за пазуху, подобрал треснувшую плошку и потащил обратно оглушенного происходящим Сяо Гуантоу.

К тому моменту, когда они добрались до горы, уже совсем стемнело. Никаких развлечений по вечерам здесь не водилось, так что все улеглись спать спозаранку.

Пэй Лу устроился с самого краю, аккуратно сложив руки на груди, и спал с удивительно тихим и спокойным видом.

В комнате царил непроглядный мрак, нарушаемый лишь мерным дыханием спящих.

Внезапно из темноты соткался красный силуэт. Бесшумной и легкой поступью незнакомец подошел к Пэй Лу, некоторое время молча всматривался в него, а затем тихонько усмехнулся:

— Худоват, конечно... Вот откормлю — в самый раз будет...

Цюй Лочэн опустился на одно колено, слегка провел пальцами по изящной шее Пэй Лу,

нащупал нужное место и, приоткрыв рот, впился зубами в кожу...

Проснувшись на следующее утро, Пэй Лу почувствовал, что шея немного ноет, а в голове слегка шумит. Он коснулся кожи — та была гладкой, никаких следов ранений не обнаружилось.

Только он успел с облегчением выдохнуть, как в памяти всплыло недавнее происшествие, и он испуганно зажал шею руками. Быстрым семенящим шагом подбежав к стоявшей во дворе кадке с водой, он принялся яростно вытягивать шею и осматривать себя. Толпившийся рядом с ним у кадки Пандунь получил хорошего пинка и недовольно проворчал:

— Ты чего тут выкручиваешься?

Пэй Лу в панике оттянул воротник и заставил его взглянуть на себя, состроив лицо человека, увидевшего призрака:

— Погляди-ка быстренько, нет ли у меня на шее следов от зубов?

Пандунь вытянул шею и присмотрелся. Никаких укусов он не обнаружил, зато отметил про себя, что у этого пареньца на удивление нежная шея — ничуть не хуже, чем у каких-нибудь барышень или господ из города.

— Ну что, есть?! — Пэй Лу снова толкнул его локтем, снедаемый тревогой.

Пандунь хмыкнул, явно не успев разглядеть всё как следует, и счел поведение товарища странным:

— С чего бы на твоей шее взяться следам от зубов? Только не говори мне, что ты за нашей спиной приглянулся какой-то деревенской молодухе!

С этими словами Пандунь окинул его оценивающим взглядом с ног до головы и чем дальше смотрел, тем больше убеждался в своей правоте: местные молодухи как раз сходили с ума по таким смазливym мордашкам, он и сам знал парочку таких любительниц.

Одарив Пэй Лу многозначительным взглядом, Пандунь закинул руку ему на плечо и хихикнул:

— А я-то думал, с чего это ты вдруг решил навести порядок, да и спину держать прямо? Оказывается, у тебя на стороне кто-то завязался! — Он заговорщически наклонился к самому его уху и шепнул: — Ну-ка, братец, шепни, каково оно?

— ... — Пэй Лу потребовалось добрых полминуты, чтобы сообразить, о чем толкует этот малолетний развратник. С чего эти древние люди такие бесстыдные? Этому Пандуню в обед сто лет в обед исполнилось шестнадцать, не больше?

Заметив, что тот залился краской и молчит, Пандунь истолковал это по-своему и двусмысленно

подмигнул:

— Гоудань, коли пойдешь в гору, не забывай старшего брата!

— ... — Лицо Пэй Лу то бледнело, то багровело. Он показал ему язык:

— Иди уже куда шел.

После столь бурного пробуждения страх в душе Пэй Лу заметно поубавился. Потирая шею, он задвинул все смутные сомнения в самый дальний угол сознания.

Как только солнце поднялось над землей, троица Пандуня отправилась в город, но Пэй Лу в этот раз остался позади. Во-первых, его все еще слегка покачивало на ногах, и изображать актера на публике совершенно не хотелось. Во-вторых, нужно было серьезно подумать, как добыть денег на пропитание.

Оставленная вчера безумцем серебряная монета весила целое ляном. В этом мире еще не знали инфляции, и покупательная способность одного ляна оставалась высокой. Хотя сказочным богатством это не назовешь, на еду на первое время и даже на небольшой стартовый капитал для дела этого хватит с лихвой.

Утреннее солнце уже поднялось достаточно высоко, и его яркие лучи наполнили комнату приятным теплом. Посчитав, что в полуразрушенной кумирне слишком мрачно и это мешает сосредоточиться, Пэй Лу решил выйти наружу и прилечь на траву.

Перед храмом буйно разрослись дикие сорняки. Пэй Лу ногами примял траву, устроив себе импровизированный ковер по щиколотку высотой, и с удовольствием растянулся на нем.

Подложив руки под голову и закинув ногу за ногу, Пэй Лу довольно затянул какой-то мотивчик.

Он перебрал в уме все свои навыки и быстро пришел к выводу, что единственное умение, способное пригодиться в этой отсталой древности — кулинарное искусство.

Будучи законченным домоседом, привыкшим заказывать еду на дом до полного отвращения, Пэй Лу давным-давно научился обеспечивать себя сам. Годами оттачивая мастерство, великим шеф-поваром он не стал, но любое желаемое блюдо по рецепту приготовить сумел бы.

<http://bllate.org/book/22158/2308015>